

БОЖИК

С кучым жизненным опытом легко быть моралистом. А с нашим-то рюкзаком за плечами поострежешься назидать. Вставь какую-нибудь комнатную, рафинированную особь втулкою да в какой-нибудь промасленный старый редутор, поглядим еще, чего она тогда запоет, какую песню о главном. Потому — снисходительнее, с ударением на последнем слоге, как у Жванецкого, того лучше — с почтительным вниманием к потертой обстоятельству небольшой, но значимой детали.

Некоторое время назад, сам изрядно потертый, заметил, что перестал влюбляться в людей. Это плохой признак — отсутствие вдохновляющего фактора. Человеческого, разумеется. Старые связи основательно поддерживают, а все равно тоскливо. Эта наша неизбывная охота к переменам, волчий аппетит при виде свежатины, сиречь вампиризм. Иначе зачахнешь. На непредвиденное нечто (счастье? несчастье?) мое, коротко разглядел Божку.

Божидар Милович, он же Божко, он же Бошка, он же Божжо (в нежной родительской интерпретации), по чести говоря, редкого разлива разгильдяй, и при этом исключительно обаятельный персонаж. Много лет пребывал он в поле зрения, но вне моей орбиты. Полгорода горделиво называют себя его близкими друзьями. Год за годом, на любой богемной тусовке непредсказуемо услышишь: "Божко приехал". И — ни малейших пояснений. О чем тут говорить, когда всякий и без того знает: Божко — это Божко, явление природы, да и только. Вот он и явился. Будто весенний ливень и (или) летняя жара.

Есть такая редкая порода: вот, вроде бы, ни черта не делает человек, как тот певчий дрозд из трогательного одноименного фильма, живет себе, как Бог на душу положит, легко и безответственно, насыщает собой пространство. Четверо детей от четырех разных матерей и, говорят, всем оставлено по квартире. Букет благоухающих барышень, вечнозеленый, обновляющийся. Куча разномастных приятелей — художников, искусствоведов, журналистов, реставраторов, антикваров, да просто забулдыг: кому выставку устроил — и здесь, и в Белграде, кому с публикацией помог, кому партнеров подкинул, кого друг с другом перезнакомил, кому просто подал. И всё как бы между прочим, само собой, левой ногой, играючи, по пьянке-гулянке. Сам изрядное художественное и искусствоведческое образование получил, массу жан-

ров великолепно освоил — как художник и фотохудожник, успешно экспонируется, выступает как идеолог и руководитель массы арт-проектов, но это общее место. Его предназначение — монета, постоянно пребывающая в обращении. Потреться тут, и на поверку — биография как произведения искусства.

Это его смешливое, иронически свистящее "п-ф-ф", одними губами выдуваемое, — идет ли речь о пропитых деньгах, несданных вовремя железнодорожных билетах, упущенных возможностях, неблагодарности облагодетельствованных. Просто "п-ф-ф", чтоб руками не махать, сил не тратить. Это мне надо было культивировать беззлобность, у Божко она врожденная, то есть шаровая. Иной раз деликатничает, и там, где следовало бы однозначно направить на три веселых буквы, — жалостливый. Потому, подобно давнему знакомцу нашему, покойному Юре Коваленко, часто нищих пишет, уличных музыкантов, "погибших, но милых" и прочую шантрапу. А нахалов в природе избыток: ты ему нальешь из сострадания, а он сию же минуту в амикошонство.

Да, так вот, как в цыганской величальной поется, к нам приехал наш любимый... И начинает народ водку жрать. На шару, естественно. Ну не только водку, конечно. Мы, скажем, в один из подготовительных (к персональной его выставке в Художественном музее) дней потребили в следующей последовательности: коньяк — абсент — коньяк — пиво — водка — сливовица — самогон. Откуда и зачем это наше дешевое надрывное молодечество, когда похваляться стойкостью друг перед другом давно незачем, по утрам, кряхтя, цедим пиво, бурчливо оправдываясь и обсуждая болячки. Отчаялись, должно быть, от тревожно кардинальной бесперспективности. Хочется детского крика на лужайке, а кричать пора внукам. Кругом —

ребята помоложе, поамбициознее, эти еще свои цистерны не освоили, своего говна не накушались, живут покуда без оглядки, и нам в их присутствии ударять лицом в грязь не с руки. Недаром же мы и т. д. Вот и рвем жилы, чтоб другим неповадно было.

Все это на фоне непрестанно изменяющегося лика города. Лет тридцать тому в разгар лета молоденький, поистине молочный Божко, выпускник югославской мореходки, лихо перескочил металлический заборчик у причала катеров — не обходить же весь Первый район порта, до проходной аж на Таможенной площади. От морвокзала взлетел по Потемкинской лестнице до парикмахерской, что с дореволюционных времен квартировала слева, на одноименной площади. Привел себя, чернявого экзотического красавчика, в морской порядок, пересек проезжую часть по диагонали и присел на веранде ресторана "Украина", где и бар, что был известен тогда в среде продвинутой молодежи как "Розовый". Заказал 250 отменного советского пломбира, потом еще 250 и, охладившись, ворвался в разомлевшую от жары, румяную и округлую, словно тургеневская Одинцова, Одессу.

Я вот таким же покорителем-повелителем городов, властным и вместе проникновенным Барбароссой, из армии вернулся. Понимаю. Когда провинциал является за походом с внешней стороны интересом, это совсем другое дело — такие заточены ставить на колени и устрашающе требовать миньета. Злобная неудовлетворенность вымещается на укорененных домах и лицах. Захватив чужую территорию, избавляются от малейших декораций, напоминающих о прежних хозяевах. Перелицованное под себя, по-животному меченое обиталище, в котором вознамерились агрессивно существовать веки вечные.

Мы об этом с Божко много трепались. Мы вообще много треплемся по этому поводу. Не думаю, впрочем, что от нас было бы больше прока как от участников митингов и прочих манифестаций. Рациональнее использовать нас по назначению. То есть он пусть себе занимается — смотри выше, по-своему подпитывая лениво отцветающую красавицу, а я, грешный, продолжу снабжать манифестантов достоверной ретроспективной информацией по специальности.

Да на самом деле не все так страшно и плохо. Когда Белград бомбили — не так уж давно это было, а, поди, старательно позабыли, — так Божко во время бомбежки барышню в кафе пригласил, сидели близ находящегося под прицелом моста. Девушка обеспокоилась, но мой товарищ спокойно заметил: "Не факт, что в другом месте безопаснее. И вообще, гляди и запо-

минай — в каких еще неандертальских дебрях оценишь уровень нашей цивилизованности".

И это прошло. И это пройдет. Времена не выбирают, истинная правда. Выбирают города. Божко свой выбор сделал давно, Белград — Одесса, Одесса — Белград, и так всю дорогу. Песочными часами. Нет такого прямого поезда. Нормальные герои всегда идут в обход, чтобы возвратиться на круги своя.

Фото Наталии ЕВСТРАТОВОЙ

